

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Данная статья посвящена закономерностям возникновения и разрешения культурно-экологических проблем в ходе эволюции природопользования. Сначала рассмотрены исторические типы этносов, затем культурно-экологические особенности исходного первобытного природопользования.

Исторические типы этносов

Согласно справочнику «Народы мира» (1988), ныне на Земле насчитывается 3-4 тыс. этносов, причем около 98% населения входят в 10% крупнейших наций, а в 30% малочисленных этносов – лишь 2-3% населения. Своей этнической пестротой выделяются древнейшие и ландшафтно разнообразные историко-культурные области, особенно гористые побережья теплых морей, традиционные виды хозяйства делятся по высотным поясам и бассейнам рек. Этнотипы племенного типа («первобытные») исчисляются сотнями. Они сохранились в основном в лесах Южной Америки, где до 1/5 племен сознательно избегают контактов с внешним миром; малые ареалы этносов этого типа имеются также в Азии, Африке, на Филиппинах и в Новой Гвинее (Алексеев, Першиц, 1990 и др.).

Разнообразие этносов является результатом длительного приспособления популяции человека современного типа – неантропа, *Homo sapiens* – к окружающей среде. Неантроп появился не позже 100 тыс. лет назад путем биологической и культурной эволюции палеоантропа. Это произошло, скорее всего, в большом регионе Африки, где 160-290 тыс. лет назад жила «кроманьонская Ева» – общая прародительница всех современных людей (Народонаселение, 1994; Рувинский, 1991). Расселяясь, неантроп смешивался с палеоантропом, что привело к возникновению расовых различий не менее 100 тыс. лет назад (Воронкова, 1997) и исчезновению популяций палеоантропов ко времени 45-40 тыс. лет назад. Последнее событие считается рубежом среднего и верхнего палеолита. Природные условия и процессы развития этносов в последующее время были представлены В.П. Алексеевым и А.И. Першицом (1990); Л.Г. Бондаревым (1988), В.Ф. Генингом (1970), П.Л. Каплиным

и А.В. Селивановым (1999), К.К. Марковым и др. (1965; 1967), А.А. Свиточа и др. (1999), С.А. Семеновым (1974).

Этнологи считают, что уже ранние общины неантропа имели такие черты духовной культуры, которые позволяют отнести их к протоэтносам: в сравнении с «настоящими» этносами им не хватало разве что осознания отличий одних племен от других. Но уже возникли (отчасти – еще у палеоантропа) человеческое миропонимание, общинность интересов, стремление к самопознанию, осознание своеобразия и достоинств каждой личности (Венгеров, 1991; Чеснов, 1998). В протоэтносах сложились те общечеловеческие черты культуры, которые ныне выражаются формулировкой: относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе, и не делай другим того, чего не желаешь себе. Позже этнические культуры приобрели черты, характерные для разных хозяйственно-культурных типов природопользования разных историко-культурных областей и, наконец, для конкретных этносов (по Ю.В. Бромлею).

Процессы этногенеза обозначаются следующими терминами (Народы мира, 1988 и др.). В течение большей части времени сознание новых этносов шло в основном путем разделения, дивергенции прежних вследствие миграций и изменений приемов природопользования. Кроме того, при соприкосновении этносов могли происходить миксация их культур или ассимиляция культуры мигрантов более развитой местной культурой. С началом войн связано возникновение народностей, идущее путем консолидации культур исходных этносов племенного типа на основе новых объединяющих идей. Также происходит образование наций; а их рост идет в основном путем аккультураций присоединяемых народов, введения в их

культуры национальных идей. Эволюционное вхождение одной культуры в другую рассматривается как ассимиляция, уничтожение культуры противником – как этноцид, собственным распадом – как трансформация культуры. Последний термин предполагает, что этнос может возродиться, в ином же случае логичнее говорить о гибели этноса.

Изменения культуры подразделяют также на спонтанные, идущие за счет внутренних побуждений, и стимулированные путем распространения идей или заимствования образцов. Войны в их первичных очагах были связаны со спонтанными изменениями культуры, в варваризированных обществах – со стимулированными. В принципе можно разделять изменения культуры на положительные и отрицательные для жизнеспособности этноса, но оценки зависят от идеологии оценивающего.

Все множество этносов подразделяется разными исследователями по разным признакам. Для анализа культурно-экологической проблематики интересны деления по историко-культурным областям, по хозяйственно-культурным типам (ХКТ) и по участию в военном и экономическом соперничестве. Рассмотрим эти подразделения подробнее.

Историко-культурные области (историко-географические, историко-этнографические, историко-хозяйственные) включают типы этносов с общей исторической судьбой, социальными и хозяйственными связями, а поэтому – со сходными чертами культуры, от верований до типов жилищ (по Л.Е. Куббелю; «Народы мира», 1988). Обычно историко-культурные области выделяются по бассейнам или группам соседних бассейнов больших рек от их истоков до приморских равнин. В их пределах ландшафтное разнообразие создает основу для межэтнического обмена продукцией. Например, в Западной Сибири издавна взаимодействовали земледельцы предгорий, горные и степные скотоводы, речные рыболовы, лесные охотники, тундровые оленеводы, то есть этносы, принадлежавшие к разным ХКТ, но составлявшие единый «культуроценоз» (Чеснов, 1998). Межбассейновые связи этносов в прошлые

тысячелетия обычно были менее тесны, особенно в горных местностях. Например, на Новой Гвинее генетически родственные этносы, обитающие в соседних горных долинах, даже утратили общий язык.

Историко-культурные области современного мира исчисляются многими десятками и группируются в 16 провинций: западно-центральноевропейскую, восточноевропейскую, кавказскую, среднеазиатско-казахстанскую, сибирскую, центральноазиатскую, восточноазиатскую, юго-восточноазиатскую, южноазиатскую, юго-западноазиатскую, североафриканскую, африканскую тропическую, североамериканскую, латиноамериканскую, австралийскую и океаническую. Деление на области видно на примере первой провинции, она включает области: североевропейскую, приатлантическую, центральноевропейскую и средиземноморскую. Описание провинций можно найти в справочнике «Народы мира» (1988). Для каждой из них приводятся сведения о ландшафтах, расовой и языковой принадлежности населения, основных хозяйственных занятиях, традиционных типах селений, жилищ, одежды и пищи, а также о фольклоре, вероисповедании и основных чертах истории этносов в последние века.

Разным историко-культурным провинциям и областям отвечают свои сочетания природных опасностей: землетрясений, ураганов, наводнений, засух и т. п. (подробнее см. у С.М. Мягкова, 1995).

Хозяйственно-культурные типы этносов (ХКТ, по Б.В. Андрианову, «Народы мира», 1988 и др.) – это определенные историко-типологические группы этносов, имеющих разное происхождение, но обитающих в сходных природно-ресурсных условиях и находящихся на приблизительно одинаковом уровне социально-экономической эволюции. Б.В. Андрианов рассмотрел только доиндустриальные ХКТ. Но ничто не мешает продлить его типизацию до настоящего времени. В этом случае она получится приблизительно следующей.

1. ХКТ с присваивающими формами хозяйственной деятельности. Появились вместе с протоэтносами. В XX в. они включали,

например, этносы полуоседлых арктических охотников на морского зверя и рыболовов; бродячих и полуоседлых охотников и рыболовов тайги и тундры; бродячих собирателей и охотников жаркого пояса. К переходным типам относятся этносы, например, оленеводов-охотников тайги и тундры; земледельцев-охотников и собирателей экваториальных лесов Африки и Ю. Америки.

2. ХКТ с производящей экономикой традиционного характера, земледельческой и (или) скотоводческой появились в последние тысячелетия. Земледельческие этносы делятся на подтипы по ряду признаков, в числе которых: применение ручного труда или тяговой силы домашних животных (при пашенном земледелии); применение или отсутствие орошения; размещение полей на равнине или на горных склонах и т. д. Скотоводческие этносы делятся по степени оседлости, а также по размещению на низменных равнинах, в предгорьях и на высокогорных равнинах Азии и Африки.

3. ХКТ с производящей экономикой индустриального характера возникли в основном в XIX в. Подразделяются по стадийным технологическим укладам. Главная черта укладов – использование того или иного вида энергии: от текущей воды к пару и электричеству.

Для исследования проблем культурно-экологического риска хозяйственно-культурная типизация этносов полезна тем, что дает представления о характерных чертах соответствующих территориальных комплексов населения и хозяйства с их природно-ресурсной основой и тем самым – представления о том, какие виды опасностей и риска важны для ТКНХ. В общем, чем технологически сложнее ТКНХ, тем больше природных и иных событий называются для него опасными и тем больше опасностей создает он сам.

По участию в военном и экономическом соперничестве, тем самым – по набору источников опасностей выделяются четыре категории этносов: мирные этносы племенного типа, варварские этносы племенного типа, народности и нации. Для первых характерен лишь природный источник опасностей, для

других – также социогенный, а для народностей и особенно для наций – еще и техногенный источник опасностей.

По Тойнби, мирные, или «примитивные», племена отличаются тем, что строят свою жизнедеятельность на основе традиций, тогда как цивилизации, то есть народности и нации, – на основе новаций. По Л.Н. Гумилеву, первые приспосабливаются к своему биоценозу и достигают гомеостаза, равновесия с окружающей средой, а все остальные интенсивно размножаются и изменяют свой биоценоз. Мирные и варварские племена относятся к ХКТ с присваивающими формами или с сочетанием присваивающих и производящих форм хозяйственной деятельности, народности и нации – к ХКТ с производящей экономикой.

Сравним вкратце некоторые социокультурные характеристики этносов разного типа, опираясь на работы В.П. Алексеева и А.И. Першица (1990), Л.С. Васильева (1983), С.В. Лурье (1998), П.А. Сорокина (1992), Я.В. Чеснова (1998), а также называемых ниже исследователей.

Мирные племена охотников и собирателей ныне, как и в прошлом, имеют численность обычно не более нескольких сотен человек, земледельцев и скотоводов – не более нескольких десятков тысяч человек. Племя объединяется языком, культурой, брачно-родственными связями и управлением. Социальный, производственный и природно-ресурсный потенциалы находятся в равновесии и изменяются эволюционно, в основном спонтанным образом. Строение племенного общества рассматривается этнологами как ранжированное, то есть имеющее определенную социальную иерархию, связанную с обязанностями и правами. Наиболее сложные общества с хозяйством производящего типа выделяются в категорию ранних комплексных обществ. Их отличительные черты включают наличие поселений разного ранга, повышенную роль хозяйственных центров и вождей, наследуемую принадлежность к определенным профессиональным и социальным группам (Массон, 1996). Обычная следующая структура расселения: малые семьи составляют большие семьи, иногда

живущие в одном доме или дворе; ряд больших семей составляет родовую или соседскую общину, занимающую целое поселение низшего уровня; ряд общин – племя со своей «столицей», насчитывающей иногда несколько тысяч жителей.

Правителей племени в русской этнологической литературе обычно называют жрецами шаманами. Их обязанности связаны со всеми сторонами жизнедеятельности и делятся по иерархическим уровням. Например, у предков славян и германцев с их сельскохозяйственно-скотоводческим хозяйством, по А.Б. Снисаренко (1989), правящий слой состоял из шести уровней. Члены каждого уровня выбирались из представителей предшествующего. Два высших уровня составляли верховный жрец и главные жрецы по округам (группам общин), их задачей было предвидение и решение главных проблем племени. Для этого они собирались на свой совет, а при необходимости созывали большой совет племени. Они жили обособленно, обычно – в «священных» местах. Третий сверху уровень составляли помощники главных жрецов – знатоки и руководители обрядов и хозяйственной деятельности. Они жили вместе с соплеменниками, будучи всегда готовы помочь им советом. На четвертом уровне находились помощники в исполнении обрядов – своего рода «стажеры» на места в третьем уровне. На пятом – низшие жрецы, «молители», волхвы. Они обитали в каждом селении и играли роль советчиков по всем бытовым делам, лекарей, организаторов свадебных и похоронных обрядов, хранителей и исполнителей фольклора. Наконец, в основании этой пирамиды, едва возвышаясь над соплеменниками, находились разнообразные советчики-прорицатели, подразделявшиеся по областям прорицания (урожай, охота, скотоводство, бытовые дела) и по способу предсказания (по ветру и тучам, огню свечи или костра, полету птиц, по водяной пене и движению речных струй). Это были преимущественно пожилые люди, мудрецы, получившие большой хозяйственный опыт, а также жреческое обучение и передававшие свои знания по наследству. Сохранившиеся местами в современных государствах традиции шаманства соответствуют

приблизительно пятому и шестому уровням. Так, В.И. Харитонов (1997) называет тувинского шамана поэтом, композитором, врачом, травником, лекарем, костоправом, гадальщиком, политологом и предсказателем, владеющим универсальными знаниями о жизни человека и его окружающей среде.

Социальная подвижность в этносах племенного типа не стеснена теми границами, которые возникли позже в народностях и нациях. Лишь на стадии раннего комплексного общества места в социальной иерархии отчасти наследуются вместе с семейными дарованиями и знаниями. В целом же достоинства людей считаются даром духов-покровителей племени. Соответствующий принцип иерархии, по П.А. Сорокину, звучит так: «каждому – по божественной благодати, почитующей на нем».

Внутри- и межобщинные отношения включают множество правил предотвращения конфликтов. Важнейшие решения принимаются сообща и только по достижении полного единогласия, сколько бы для этого ни потребовалось времени. (Заметим, что такая же традиция сохранялась в русской крестьянской общине до конца XIX в., пока не была разрушена капиталистическими реформами.) Межобщинным отношениям свойствен обычай взаимопомощи и гостеприимства, бескорыстность и щедрость, которая не раз удивляла представителей цивилизованного мира. Поддержанию добрососедства еще с мезолита содействуют различные обычаи выравнивания имущественного положения, от регулярного межобщинного и межплеменного обмена дарами по праздникам до эпизодической раздачи личного имущества в своей общине. Эта древняя форма духовных (не экономических) социальных связей оказалась столь важной, что сохраняется и в либерально-рыночном обществе в виде новогоднего обмена подарками. В целом же для членов племен неолитического типа, как отмечают многие этнографы, характерна высокая социальная удовлетворенность, иначе говоря, ощущение счастья.

В современных социологических публикациях распространено утверждение о том, что в первобытных и даже последующих об-

щинах личность не развита, что для ее развития требуется «рыночная» среда, открывающая путь от сковывающих традиций к свободному самовыражению (Социология, 1995 и др.). При этом противопоставляются индивидуальная свобода и социальное равенство, стремление выделяться среди других и стремление жить, как все, личная и общественная ответственность за материальное благополучие, причем первые ценности выдаются за проявление развитой личности, а ее развитие – за смысл социального прогресса. Как можно понять, тут речь идет о развитии не личности, а индивидуализма, эгоцентризма, а последний трудно счесть прогрессом в социально-экологическом смысле. Что же касается действительно самосознания личности и наличия у каждого человека собственных вкусов, ориентаций, мнений и мастерства, они столь же характерны для древнейших обществ, как и для нашего (Венгеров, 1991; Чеснов, 1998 и др.).

Варваризированные этносы племенного типа отличаются от иных следующими особенностями. Важной функцией вождей оказывается военное дело. Социальная иерархия становится более наследуемой по рождению и более связанной с имущественным неравенством. По П.А. Сорокину, принцип иерархии теперь звучит так: «каждому по мере его участия в обороне от врага, по мере его ратной службы и участия в ее управлении». Воинами становятся все мужчины старше 15 лет или около этого. Некоторые входят в постоянную «гвардию» вождей. Создаются более или менее устойчивые союзы племен со своими «столицами». Далее этническая эволюция зависит от того, вооружились ли племена для обороны или для агрессии. К первым принадлежит большинство племен в прошлом и в современности. Кроме названных выше особенностей, они ничем не отличаются от мирных племен, не стремятся к численному росту, к усилению оружия. Ко вторым относятся все варвары-завоеватели прошлого: различные индоевропейские племена II тысячелетия до н. э., дошедшие из Северного Причерноморья до Египта, Ирана, Индии; кельты, скифы и хунну I-го тысячелетия до н. э.; гунны и монголы в последу-

ющее время. Для них были характерны военная демократия, рост боевой мощи и другие черты позднего комплексного общества. Их племенное существование бывало недолгим и завершалось если не гибелью, то переходом в состояние народностей.

Народность – тип этноса, характерный для доиндустриальных государств как военно-хозяйственных объединений. Наиболее общим способом поддержания жизнеспособности этносов в условиях внешнего социогенного риска стало соревновательное наращивание обороноспособности, то есть демографического, производственного, интеллектуального и природно-ресурсного потенциала. Народности возникли на основе политического, хозяйственного и духовного сплочения варваризированных племен. Качественных изменений в технологиях природопользования образование народностей не принесло, но решительно изменились организация общества и духовная культура. Возник чиновничий аппарат; усилилось профессиональное и региональное разделение труда; резко ускорился технический прогресс. Общество разделилось на сословия, иногда и позже – на касты, в идеале представляющие единую семью, члены которой связаны взаимными обязанностями при единстве целей. Как писал один из выдающихся религиозных философов И.А. Ильин (1882-1954), в государство-семью люди объединяются «...для того, чтобы выделять и признавать тех благородных вождей и тех верных стражей, которые призваны творить за них, для них и через них дело всенародного единства и расцвета, которые призваны оборонять это единство и блюсти национальные святыни хотя бы ценой своей смерти» (Ильин, 1929, с. 10). Усилились и приобрели наследственный характер имущественные различия, что дало основания рассматривать соответствующие общества как классовые. Однако логично считать их сословными вплоть до тех моментов их истории, после которых имущественное неравенство теряло нравственную обоснованность и разрушало прежнее единство целей разных групп. Сословно-семейный (клановый, корпоративный) тип общественного устройства и поныне

преобладает в цивилизациях восточного типа, классовый же тип характерен для периодов их деградации.

Согласно П.А. Сорокину, принцип иерархии в сословных обществах тот же, что в варваризированных племенах. Социальная подвижность в них, даже в кастовом обществе Индии, всегда оставалась достаточно высокой и увеличивалась во времена смут и иностранных вторжений. Усложнение хозяйственной и общественной жизни разделило слой жрецов на две группы: «предсказателей» и «пророков». Первые сосредоточились на практических вопросах земледелия, строительства, медицины и т. п. и послужили прообразом современных ученых и инженеров. Вторые обратились ко вновь возникшим социальным проблемам, к осмыслению и разъяснению взаимоотношений государств, сословий, индивидов и послужили прообразом идеологов и политиков. Иерархия пророков простиралась от крупных государственных деятелей и советников при верховных правителях, находившихся в народной среде (Венгеров, 1991). Высшие жрецы ранних цивилизаций Египта, Месопотамии, Индии создали некое содружество, тысячелетиями сохранявшее древнюю мудрость, но не сумевшее остановить войны (Шюре, 1914 и др.).

Военные бедствия и внутриобщественные противоречия дали толчок развитию религий. Они должны были, во-первых, сплотить племена в народности, во-вторых, объяснить, почему мир, гармоничный на взгляд первобытного человека, вдруг оказался несовершенным, полным зла, в-третьих, указать путь от действительного мира к желаемому. Для сплочения племен понадобилось объединить племенных богов в цельный и воинственный пантеон, а далее двигаться к единобожию. Представления о гармоничности мира были вытеснены идеей постоянной борьбы добра и зла. Ожидаемая победа добра над злом была обрисована в виде «конца света», полной замены сущего мира на идеальный. Угроза социальному злу карой Создателя, адом и концом света – наибольшее, что смогли предложить высшие жрецы в обстановке роста внешнего и внутреннего социального риска. Заметим, что религиозное миропонимание оказалось ме-

нее экологичным, чем первобытное. В нем более или менее ослаблены прежние представления об одушевленности, единственности и гармоничности окружающей среды, а из многих религий исчез прежний запрет на ее уничтожение.

Но не будем забывать, что именно народностями созданы те «великие культуры», по Н.Я. Данилевскому и О. Шпенглеру, «цивилизации», по А. Тойнби, которым современные нации обязаны всем богатством духовных идей и искусства.

Нация определена как тип сообщества, пришедший на смену народности в индустриальных государствах, прежде всего в Западной Европе. Этот тип отвечает здесь той стадии эволюции цивилизации, на которой складывается «универсальное государство», по А. Тойнби, или наступает «чувственная фаза» культуры, по П.А. Сорокину. Согласно этим исследователям, а также Э. Геллнеру, Х. Кону и др., нации присущи следующие особенности. Общество принимает классовый характер. Интересы правящего слоя выдаются за общеэтнические. Для скорейшей ассимиляции разных культур упрощен и стандартизирован «культурный код» – нормы поведения в производстве и потреблении, унифицировано и контролируется государством идеологическое и профессиональное образование и обучение. Для повышения конкурентоспособности государства пропагандируются превосходство своей нации, политического строя, образа жизни, необходимость полного подчинения правительству. Нации этого облика проявили себя в первой и Второй мировых войнах.

Согласно П.А. Сорокину, в европейских нациях приблизительно с конца 18 в. установился принцип общественной иерархии «каждому по его капиталу». В западных демократиях социальная подвижность основана на выборах, но не всегда и не во всех демократиях она выше, чем в автократиях предшествующих времен.

С 1960-х годов, с развитием экономических способов экспансии, возникли новые оттенки в определении наций. С одной стороны, утверждается, что нация есть просто совокупность граждан данного государства.

Так снимается проблема разделенных войнами наций, усложняющая экономический климат. С другой стороны, распространяются представления об архаичности национальных (этнокультурных) различий и о необходимости устройства глобального «цивилизованного общества» на универсальных принципах прав и свобод личности. То есть опять предлагается упрощенный и стандар-

тизированный «культурный код», который позволил бы объединить все народности и нации удобным для капитала образом. Эти новации встречают сопротивление «фундаменталистов» разных стран.

В целом же понятие нации неустойчиво и меняется исследователями, включая российских, в угоду геополитическим интересам заказчиков.

Список использованной литературы:

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. – М.: Высш. шк., 1990.
2. Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. – М.: Мысль, 1988.
3. Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: Высш. шк., 1983.
4. Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. – М.: Высш. шк., 1994.
5. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1970.
6. Каплин П.А. Селиванов А.О. Развитие прибрежного рельефа Восточного Китая в плейстоцене – голоцене. // Океанология, 1990. Т. 39, №6.
7. Лурье С.В. Историческая этнология – М.: Аспект – Пресс, 1998.
8. Марков К.К., Величко А.А. Четвертичный период (ледниковый период – антропогенный период). Том III. Материки и океаны. М.: Изд-во МГУ, 1967.
9. Марков К.К., Лазуков Г.И., Николаев В.А. Четвертичный период (ледниковый период – антропогенный период). Том II. Территория СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1965.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политич. литературы, 1992.
11. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. – М.: Гардарика, 1998.